ОКРНАРОСВІТА ІЗЮМЩИНИ
ІЗЮМСЬКИЙ ОКРУЖНИЙ МУЗЕЙ.

Н. В. СИБИЛЕВ.

ОЧЕРКИ
по доистории и истории Изюмского края.

Выпуск I.

Далекое прошлое Изюма.

С планами Изюма
1786 и 1787 г. г.

Изюм—1928.

м. Ізюм, 1-ша Д.-Друкарня зам. 963.
Прим. 300 Окрл. 476. 6-I 28 р.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Изюмский край необычайно богат памятниками старины. Здесь, без преувеличения можно сказать, что ни село—то с историческим прошлым, что ни пески—то стоянка доисторического человека. На каждом шагу встречаются у нас следы былой жизни, и последние, даже орудия каменного века, местное население обычно приписывает или татарам или запорожцам. События сравнительно еще недавнего героического прошлого Изюмского слободского казачьего полка совершенно улетучились из памяти изюмчан и самое название этого полка забыто. Но желанье получить хотя бы крупицы сведений о близком и далеком прошлом Изюмщины живет среди крестьянских масс, в чем мне пришлось убедиться во время моих бесконечных археологических скитаний. Мои многократные беседы на эти темы в различных слободах всегда собирали значительное число спушателей. С тем же явлением приходится сталкиваться местному учительству, и последнее пред'являет спрос на популярную книжку по доистории и истории не только края, но даже отдельных слобод. Идя на встречу таким пожеланиям, я обработал для печати один из своих докладов, которые мне не раз приходилось читать как в городе, так и в округе. В предлагаемом вниманию читателя популярном очерке я говорю, разумеется, прежде всего о самом Изюме, как центре, вокруг которого и в котором разыгрывались главнейшие события Изюмской истории. Затем, если моя работа будет удовлетворять пред'являемым к ней требованиям, я постараюсь дать ряд очерков по истории отдельных слобод Изюмщины, прошлое которых наиболее богато событиями. Должен, однако, оговориться, что сообщаемые мной сведения не могут отличаться полнотой, т. к. очень многих печатных источников, не смотря на все усилия, не удалось найти.

Август 1926 г.

Далекое прошлое Изюма

I.

На вопрос—кем и когда основан Изюм, можно ответить двояко. Если речь идет о русском городе в том смысле, как это понималось тогда, т. е. о русской крепости, то на это имеется вполне точный и исчерпывающий ответ: Изюм построен в 1681 г. полковником Харьковского слободского казачьего полка Донец-Захаржевским. Если же Изюм рассматривать как населенный пункт вообще, то время возникновения его назвать трудно. Несомненно только, что древностью он может поспорить с самим вечным городом—Римом.

Возможно, такое утверждение покажется чересчур смелым, а между тем это так. В ново-каменный век, т. е. в промежуток времени от 4000 до 15000 лет назад, Изюм был населен. Правда, это поселение представляло собой не город в теперешнем смысле этого слова, не село и даже не хутор. Это была стоянка наших доисторических предков, занимавшихся охотой и рыбной ловлей и ведших бродячий образ жизни. Первобытные люди выбирали какое-нибудь удобное для охоты и рыбной ловли место и жили там, пока количество рыбы и дичи не уменьшалось, пока добывать ее не становилось трудней.

Все условия, необходимые для сытого существования доисторического человека, имелись тогда в Изюме, и последний уже в раннюю пору новокаменного века был стоянкой наших диких предков. Следы последних встречаются как в самом Изюме, так и в его окрестностях. При этом в самом городе их немного и они менее заметны, чем в окрестностях, так как Изюм уже 250 лет как застроен. За этот промежуток времени все обращающие на себя внимание вещи первобытных людей подобраны или уничтожены. Да и то немногое, что сейчас попадается еще в городе, можно найти лишь на свободных от построек и мостовых участках. Нищущему эти строки обработанные кремневые вещи, собственно, куски их, попадались на городской площади, около профшколы, там, где теперь разбит сквер. Там же подбирали их и приносили в Изюмский музей учащаяся молодежь и иногда взрослые.

Однако, в раннюю пору новокаменного века Изюм не был еще тем, чем стал позже—культурно-промышленным центром края: для этого тогда не имелось еще подходящих условий.

Ранняя пора неолита совпадает со временем отступления четвертого оледенения из пределов Европы. Климат в ту пору был в общем похож на современный, только несколько холодней и суше. Наш край представлял тогда безлесную степь, сменившую собой тайгу и тундру. Люди жались к берегам рек, их кормилиц, и значительно увеличившись в числе по сравнению с палеолитом (древне-каменным веком) и по прежнему оставаясь охотниками и рыболовами, вынуждены были часто переходить с места на место в поисках дичи и особенно рыбы. Изюм был тогда стоянкой, где первобытный человек подолгу останавливался, но не жил постоянно.

В ту пору больше удобств для жилья, повидимому, представляли Петровские пески, лежащие между Великой Комышевахой и Петровским, при впадении речки Береки в Донец. Там собрана

нами масса мелких кремневых орудий, насколько можно судить по степени обработки их и патине (окраске), различного возраста, что говорит о долговременном пребывании человека на Петровских стоянках.

Мелкие кремневые орудия (микролиты) являются отличительной чертой раннего неолита. Люди занимались тогда исключительно охотой и рыбной ловлей; они имели дело с безлесной степью и не нуждались поэтому ни в топорах—колунах, ни в других крупных кремневых орудиях, необходимых для обработки дерева. Маленькие кремневые желваки, служившие для выделки мелких кремневых вещей, разбросаны повсюду. Поэтому стоянки ранне-неолитического человека можно найти по всему течению Донца. Такие же стоянки, как сказано выше, имеются под Изюмом и в самом Изюме, но они были небольшими и не постоянно обитаемыми. Изюм становится местом постоянной оседлости доисторического человека лишь позже— в средний неолит.

Климат Европы вообще и наших мест в частности продолжал меняться; он стал более теплым и влажным. Степь уходила, надвигалась буйная растительность. Густые леса сплошной пеленой покрыли наш край. Изюмчанину нужно было приспособиться к новым условиям жизни, чтобы выйти победителем из борьбы с природой, и он приспособился.

Средняя пора неолита в наших краях может быть отмечена переходом к новым формам каменных орудий и перенесением человеческих поселений на другие места, более удобные при изменившихся условиях существования.

Мелкие кремневые орудия не годились уже при обработке дерева. Приходилось брать большие куски кремня и оббивкой придавать им необходимую форму. Но кремень в крупных желваках и в большом количестве и при этом хороший, морской, встречается лишь там, где на правом горном берегу Донца имеются мощные выходы мела. Благодаря тому, что наш „Кремянец" (гора Кременец) является неисчерпаемой кладовой великолепного морского кремня, Изюм и его окрестности в среднюю пору ново-каменного века не только густо заселились, но и стали своего рода фабричным центром. Средне-неолитические Изюмские племена сгруппировались на участке Донца между его притоками—Беречкой на С.-З. и Жеребцом на Ю. В., при чем Изюм на несколько тысячелетий приобрел значение, которого ему, вероятно, уже никогда не удастся добиться снова. Здесь в тысячах экземпляров выделывались кремневые топоры—колуны, пилки, резаки для разрезания звериных шкур, резцы для резьбы по кости и дереву, шила—проколки, скребки для обработки шкур и другие вещи, предназначавшиеся не только для домашнего употребления, но, насколько можно судить по количеству и однообразию их, и для сбыта на сторону.*)

*) Мной приведен существовавший до сих пор в науке взгляд на отношение микролитов к макролитам. Однако, в самое последнее время проф. А. А. Спицын в статье „Південно-руський неоліт" (Юбілейний Збірник на пошану академіка Д. І. Багалія, Київ, 1927, ст. 251) высказал предположение, что микролиты и макролиты существовали одновременно, а проф. В. А. Городцов на Керченской археологич. конференции, в сентябре 1926 г., заявил, что, по его мнению, микролиты служили лишь подсобным материалом. Произведенными мной на Изюмских стоянках осенью 1926 г. зондажными раскопками установлено, что микролиты встречаются как в чистом виде, так и вместе с макролитами и позднe-неолитическими орудиями. Однако, мои раскопки, вследствие незначительности их размеров, нуждаются в дальнейшей проверке.

Автор.

Стоянки средне—неолитических племен имеются как в самом городе, так и против него, особенно у с. Гончаровки; Кремянец же, как уже говорилось ранее, был кладовой кремня, откуда первые Изюмчане брали материал для работы и где оставили много своих поделок, как вполне готовых, так и начатых только обработкой.

Свое значение—промышленного центра Изюм сохранил и дальше—в позднюю пору неолита и потерял его лишь в медно-бронзовый век, когда острая нужда в кремне, как материале для выделки каменных орудий, миновала. Однако, населенным пунктом он оставался до нового изменения в быте Изюмских племен, т. е. до превращения их в кочевников, а, быть может, даже до появления в наших краях нового народа—скифов, ведших исключительно кочевой образ жизни. С приходом скифо—сарматов, а затем в эпоху великого переселения народов, Изюм, расположенный на двух бродах, превращается лишь в станцию на вековечной, сохранившей до наших дней свое значение, дороге всех кочевых племен и всех армий, двигавшихся по нашим степям.

Смена народов в железный век на Изюмщине происходила в таком порядке.

В половине VII до Р. Х. появляются скифы; во II веке до Р. Х. скифов оттесняет и поглощает родственный им народ—сарматы. Затем на смену азиатам—сарматам в III веке по Р. Х. приходят европейцы—готы, германское племя, вытесненное римлянами из теперешней Румынии. В IV веке готы покоряют ряд народов, в том числе и венедов—славян, и надо полагать, в эту пору появляются на Изюмщине. Царство готов в конце IV века рушится под напором новых кочевников—гуннов. Последние, пройдя два раза через Украину, сначала на запад в средне-дунайскую низменность, а затем обратно на восток—в прикаспийские степи, превращают ее почти в пустыню. В VI веке на очищенные места приходят наши предки славяне и, повидимому, застают здесь уцелевших кое-где после произведенного гуннами разгрома аланов, остатки некогда большого и сильного сарматского племени, родственного теперешним осетинам. Около того же времени через наши края прокатывается новая волна кочевников—азиатов—авары или обры.

В VIII веке славяне, а вместе с ними и аланы, подпадают под власть хозар, тоже азиатского народа. В самом начале X века хозарское царство распадается, и в наших степях появляются печенеги, затем в XI веке сначала торки и, наконец, половцы.

Волны человеческого моря, безпрерывно захлестывавшего Причерноморье, не прокатывались бесследно через Изюмщину. Если не в самом Изюме, то вокруг него и по всему Изюмскому округу встречаются многочисленные скифо-сарматские и позднe-кочевнические вещи. Следы готов имеются у Петровского и Волобуевки, готами же занесены к нам памятники римской культуры. Аланы оставили свои могильники у сл. сл. Залиманья и Шейковки и довольно многочисленную керамику в разных пунктах Изюмского округа. Мы не видим пока следов аваров и гуннов, как потому, что древности их еще не вполне установлены, так и вследствие кратковременности их пребывания здесь, но зато найдены вещественные доказательства оседлости у нас славян и, что особенно важно, под самым Изюмом.

Между Изюмом и х. Снежковкой на заливном лугу, над озером Гавриловским, лежит довольно большая, изолированная от левобережных песков, дюна. Тут найдена довольно многочисленная славянская керамика — черепки от сосудов с волнистым орнаментом.

Местечко это было положительно находкой для наших предков. Окруженное со всех сторон болотами, озерами и густыми лесами Донецкой поймы и вместе с тем достаточно большое, чтобы занять его под пашню (там и сейчас усадьбы и огороды крестьян х. Ковалевки), оно одинаково удобно было и в раннюю пору славянской колонизации, когда разбросавшиеся по прибрежным лесам редкими поселками славяне—колонисты соединили с исконным своим занятием земледелием охоту, рыбную ловлю и бортничество, т. е. пчеловодство, и позже—в дни господства в наших краях печенегов, торков, половцев и даже татар.

Факт находки на Изюмщине памятников славянской культуры подтверждает принятое нашими историками мнение, что пространство, охватываемое Харковской губ. и смежными с нею уездами Курской и Воронежской, во второй четверти XIII столетия частью занималось кочевыми народами печенежского и половецкого происхождения, частью входило в состав древних русских княжеств Переяславского и Чернигово-Северского. Отсюда, по мнению академика Д. И. Багалея, и название Донца Северским. Северный—искажение последнего времени.

До сих пор, однако, не найдено никаких доказательств того, чтобы Изюм был тогда населенным пунктом, и упоминаемые в начальной летописи половецкие города Шарукань, Балин и Сугров надо искать где-то в другом месте.

В 1223 году сюда вторглись татарские орды под предводительством Тушн-Хана, сына Чингис-Хана[1]), а осенью 1241 г. Батыева полчища[2]), все на своем пути предавая огню и мечу. Насколько был опустошителен ураган, пронесшийся тогда над Русью, можно судить хотя бы по тому, что Курск, напр., совсем исчезает на время Монгольского ига и снова появляется, в качестве вновь построенного города, только уже в XVI столетии[3]). Перестает существовать и целое Переяславское княжество[4]). Понятно, при таких условиях, от Изюма, если он и существовал в то время, не могло остаться и следа.

Уцелевшее население наших степей частью удалилось за Днепр, частью бежало на север, в Брянск и Москву[5]). Недавно еще богатый край стал пустыней. Не оставила после себя на первых порах никаких осадков в наших местах (в смысле поселений) и волна татарского нашествия.

Во всяком случае, не меньше целого столетия прошло прежде, чем в наших краях появились новые человеческие поселения. Эти поселения были татарскими. Некоторые указания на существование в ту пору в Изюме временного или постоянного поселения дает один оригинальный памятник того времени. Недавно на вершине господствующей над Изюмом горы Кременец (Крем'янец), у водонапорной башни, была найдена каменная плита с арабской надписью, хранящаяся теперь в Изюмском музее. Надпись эта переведена известным востоковедом В. В. Бартольдом. Надпись гласит: „Велел сделать это Али-ад-дин, сын Джемаль-ад-дина, сына Али, Тарази, в день 11 шавваля из месяцев 734 г.".

Месяц шавваль 734 г. (по арабскому летосчислению) начинался 5 июня 1334 г. (по нашему летосчислению). Тарази—происходящий из города Тараза или Таласа, ныне Аулие-Ата, Семиреченской области.

Таким образом, летом 1334 г. в Изюме находилась группа татар во главе с некиим Али-Ад-дином, который среди своих подчиненных имел одного резчика по камню, т. е. представителя вполне мирной профессии. Отсюда можно вывести заключение, что эти семиреченцы не были одним из татарских воинских отрядов, насколько можно судить по утерянным ими и находимым теперь монетам, довольно часто посещавшим наши края, а верней всего—первыми татарскими поселенцами на Донце. В пользу такого предположения говорит то обстоятельство, что позже, именно: в начале XVI столетия, Донец был местом постоянной татарской оседлости.

По крайней мере, из „Записок о Московии" австрийского дипломата, барона Герберштейна, совершившего в 1516—18 и 1526 г.г. путешествие в Польшу и Россию, видно, что по Донцу жили татары, обрабатывавшие землю и имевшие постоянные жилища[7]; в челобитной же Изюмчан 1710 г. на имя Петра 1-го сказано, что "Изюмского полку города (крепостцы) построены на татарских городах"[8]). К сожалению, известия эти слишком кратки и не содержат точных указаний о местонахождении татарских поселков. Мы в наше время не располагаем никакими сведениями на этот счет, но Харьковский архиепископ Филарет, написавший в пятидесятых годах прошлого столетия книгу "Историко-статистическое описание Харьковской епархии" и имевший в своем распоряжении документы, до нас не дошедшие, положительно утверждает, что на Кременце был укрепленный татарский хутор, сделанный для защиты на случай нападения русских[9]). Косвенно это подтверждается и самым названием города, являющимся искаженным татарским словом „Гузун".

К тому же приблительно времени, именно: к половине XVI столетия, относится появление на Донце первых русских сторожевых постов.

Четыреста лет назад самою южною окраиной Московского царства были нынешняя Черниговская и Курская губ., Северская Украина или Северщина, как ее тогда называли. Край этот ежегодно подвергался нападениям татар, избивавших и уводивших в плен русское население и увозивших с собой его имущество. И вот, чтобы татары не могли напасть врасплох, около половины XVI века на Донце была учреждена русская конная стража, наблюдавшая отсюда за татарами. Наблюдательные пункты или сторожи имелись тогда, между прочим, у сл. Бышкиня, Балаклеи, Савинцев, Изюма, Святых Гор, на устье реки Черного Жеребца и на Айдаре[10]. Самой важной сторожей считалась Изюмская, т. к. она стояла на Изюмском шляху у двух бродов—Изюмского, находившегося на 570 саженей ниже устья реки Изюмца, и Каменного, в 6 верстах от Изюма[11]). Надо, впрочем, заметить, что в первые годы прошлого столетия Донец изменил свое теченье. Раньше его русло поворачивало сейчас же вправо от моста, что соединяет Замостянскую улицу с Главной, за последними лавками нижнего базара, т. е. приблизительно на полкилометра правей теперешнего его русла[12]).

Изюмский шлях являлся разветвлением Муравского, главной татарской дороги на Русь. Муравский шлях из Крымской перекопи шел до Тулы между верховьями множества рек и речек, почти не пересекая ни одной из них[13]) Подробное описание этой дороги помещено в книге Большого Чертежа, изданной в 1627 г.

Все русские сторожи состояли из небольшого числа конных служилых людей. Сторожевая служба была в высшей степени ответственной и тяжелой. Станичники и сторожа должны были все время проводить на лошадях, огня не раскладывать, дважды на одном и том же месте не останавливаться[14]); другими словами, стража эта вела бродячий образ жизни. Поэтому с 1555 г., когда впервые упоминается о русских раз'ездах на Донце[15]), и до 1571 г. никаких признаков русской оседлости под Изюмом, надо полагать, не было. Лишь в 1571 году, благодаря введению института „стоялых голов", назначенье которых было контролировать и инспектировать сторожей, стали строить особые „острожки", служившие постоянным приютом для многих смен сторожей[16]). Такой острожок, возможно, был построен и под Изюмом. По крайней мере, архиепископ Филарет в своей книге, о которой сказано выше, говорит, что на левой стороне Донца на речке Изюмце был курган с древним укреплением и здесь же местность, называвшаяся „Зверинцем". Эти то места, по его мнению, и должны быть признаны местом первоначального русского Изюма[17]).

В задачу русских „сторож", как уже упоминалось, входило не позволить татарам внезапно напасть на города и села Северской Украины, т. е. теперешних Черниговской и Курской губ. Из жителей этих городов и состояли на первых порах русские сторожи. Так, в 1571 г. мы видим под Изюмом Путивльскую стражу, на обязанности которой лежало беречь два брода—Савинский и Изюмский, а в 1591 г. здесь появляется целая станица (Ливенская), охранявшая уже пять бродов—Бышкинский, Шебелинский, Балаклейский, Савинский и Изюмский[18]). Отсюда можно вывести заключение, что Изюм начал было превращаться в военно-административный центр, но не надолго, т. к. в 1599 г., с постройкой Цареборисова, к последнему перешла главенствующая роль в жизни края. Позже, когда на территории нынешних Харьковской и Воронежской губ. возникли новые города, в Изюме появляются Валуйские и, наконец, Чугуевские станичники[19]). Несомненно известно также, что при Алексее Михайловиче в Изюмском юрту, кроме охранной стражи, жили еще охотники, на обязанности которых лежало ловить в лесах и степях зверей для царя[20].

По чугуевской переписке, в 1673 г., т.е, раньше постройки крепости Донцом, Изюм оказывается местом, населенным постоянными жителями,[21], а в 1680 г. он называется уже „городком" и в нем по-казано 70 казаков[22]. Этот городок был возведен полковником Яковом Черниговцем, около того же времени построившим Андреевскую, Бышкинскую, Савинцевскую и Лиманскую крепости[23].

Из хранившейся в архиве Святогорского монастыря рукописи 1844 г., теперь исчезнувшей, видно, что в сл. Песках есть место, называвшееся „Зверинцем", где в 1844 г. поселились чиновники, а раньше была пустынь с церковью, которая после постройки Изюма была туда перенесена. Из имеющегося в Изюмском музее плана Изюма 1787 г. можно заключить, что х. Зверинский лежал на ручье, впадающем в Донец против теперешней Паромской улицы, примерно

в двух километрах от его устья. Где стояло укрепление, о котором говорит архиепископ Филарет и которое, надо полагать, было ничем иным, как „городком" полковника Черниговца, сказать трудно, но верней всего—на пригорке, где теперь дома ж.д. служащих, выше ж.д. клуба или на месте бывших воинских бараков у сл. Гнидовки. По крайней мере, другой возвышенности, близкой к Донцу и Изюмцу, на левой стороне Донца нет.

1680-м годом заканчивается первая глава истории Изюма, когда он не был еще городом в настоящем смысле этого слова. Лишь в следующем (1681) году, после постройки крепости Донцом, Изюм становится военно-административным центром края, и с этого момента начинается новая, обильная событиями, страница его истории.

II

Возникновение Изюмской крепости вызвано следующими причинами.

Сторожевая служба, несмотря на приносимую ею пользу, не могла помешать проникновению татар в русские пределы. Поэтому Московское правительство предприняло ряд мер, чтобы не допустить вторжения крымцев. Первым серьезным шагом в этом направлении была постройка в конце XVI ст. ряда укрепленных городов—Белгорода, Старого Оскола, Валуек и др.[24]. Тогда же построена между Брянском и Муромом так называемая Засека, линия укреплений частью естественных, частью искусственных[25]. К этому же приблизительно времени относится устройство на излюбленном татарами Муравском шляху первого заградительного вала между с. Перкопом и г. Валками[26]. Затем при Борисе Годунове построен Цареборисов, сильная по тому времени крепость, с большим гарнизоном—в три слишком тысячи человек. Смутное время несколько задержало дальнейшее распространение русского влияния, и Цареборисов был заброшен и запустел[27]. Однако, как только водворился порядок, Московское правительство снова усиленно занялось укреплением старых и особенно постройкой новых городов на южной степной окраине. Тогда построена так называемая Белгородская укрепленная черта—27 укрепленных городов, соединенных друг с другом укрепленным же валом. Она начиналась у Алешни и Ахтырки и шла, извиваясь, на восток до Острогожска, от которого круто поворачивала на Коротояк и Воронеж, и заканчивалась в Тамбовской губ.[28].

Одновременно с возведением Белгородской черты шла постройка новых городов за чертой и заселенье теперешней Харьковской губ., чему много помогло начавшееся еще при Михаиле Федоровиче массовое переселение из за Днепра украинского населения, черкас, как их тогда называли, гонимых притеснениями Польского правительства, владевшего правобережной Украиной. Тут было положено основание слободским казачьим полкам Харьковскому, Сумскому и Ахтырскому, которые занимали не один город, а целую область, делились на сотни, имели каждый свой полковой город и целый ряд сотенных городов и очень широкое на первых порах самоуправление.

Казаки Харьковского полка, в числе 70 человек, и входили в состав жителей Изюмскаго „городка" в 1680 г., за год до постройки крепости.

---

† Крепость Изюм построена в 1681 г. на правой стороне Донца—там, где теперь город Изюм, собственно, его нагорная часть; причем работами руководил полковник Харьковского слободского казачьего

полка Григорий Ерофеевич Захаржевский, за победы над татарами у реки Донца получивший прозвище „Донец".

К постройке крепости приступили с ранней весны 1681 г. Во всяком случае, как видно из донесения Григория Донца на имя генералов Косагова, строителя укрепленной Белгородской черты, он, забравши с собой казаков Харьковского полка (двумя партиями—в 500 и 1000 человек) и оставивши в Харькове вместо себя сына Константина, в конце фераля 1681 г. направился в Изюм[29].

Работы по постройке крепости велись так энергично, что через четыре месяца она была почти готова. По крайней мере, 29 июня того же 1681 г. Григорий Донец донес генералу Косагову, что на вершине Кремянца уже построен „городок", т.-е. цитадель, со рвами, валами, стенами и башнями, имевшая в окружности 211 саженей. Ниже цитадели на пространстве, занятом теперь центральной частью Изюма—от народного дома на юге до северной окраины Советской (б. Соборной) площади и от больницы на западе до музея на востоке—расположилась главная крепость, „большой город", снабженный валом, сухим рвом, стенами с частью законченными, частью начатыми башнями и четырьмя воротами с накладными через ров деревянными мостами. От городка (цитадели) до большого города был выкопан ров в 480 саженей и возведен вал; там же, где нельзя было уложить „валового дела", построена деревянная стена[30].

Из крепостных сооружений уцелели только на вершине Кремянца сильно сглаженные временем вал и ров цитадели, а в самом городе, между больничными зданиями и Плахотовкой, раскопанная теперь на половину и имеющая следы деревянной кладки „батарея", на которой в свое время стояли чугунные пушки. Из построек того времени сохранился собор, построенный в царствование Петра и Ивана Алексеевичей полковниками Константином Донцом и Федором Шидловским[31].

Одновременно с заселением Изюма шло заселение и ближайших его окрестностей, так что в 1685 году был выделен уже особый Изюмский полк в составе 13 населенных пунктов, куда входили Острополье, Двуречное, Новый Перекоп, Сеньково, Купецкое, Бышкинь, Андреевка, Балаклея, Савинцы, Цареборисов, Каменка, Лиман[31]. В Изюме, как полковом городе, учреждена полковая канцелярия, где сосредоточивались военно-гражданские дела края[32].

Под защитой такой сильной крепости, какою был по тому времени Изюм, жители последнего, казалось, могли чувствовать себя в безопасности. И действительно, из старинных документов (Чугуевской переписки) видно, что татары много раз хватали на дороге изюмчан, но к крепости опасались приближаться[33] и только однажды, благодаря оплошности полкового начальства, побывали в самом городе. Случилось это в 1690 году.

5 мая, в три часа дня, когда казаки пошли в церковь, не приняв необходимых мер предосторожности, татары (в числе свыше 200 всадников) тайком подошли от Каменки к Изюму и, ворвавшись в город повыше острожной городской стены, проникли одни до самой калитки меньшого города, а другие до наугольной Московской проезжей башни, находившейся внизу у кузниц (т.е. примерно до того места, где теперь Московскую улицу пересекает Банковская). Затем они вошли в „Кремянской городок" (цитадель), где и засели. Изюмчанам пришлось выбивать врага оттуда, при чем в бою

с татарской стороны приняли участие и янычары, вооруженные огнестрельным оружием. У Каменки стояла татарская засада, выманивавшая казаков за вал в поле. После боя татары, взявши в плен в цитадели 8 казаков и захвативши за городом 10 мирных горожан, прочем многие были изрублены или ранены, пошли вверх по Донцу[34].

Это был единственный случай, когда татарам удалось ворваться в Изюм. Не имея возможности причинить сколько-нибудь серьезный вред самому городу, татары в первые годы существования Изюмской крепости изливали свою ярость на ее окрестностях[35]. До конца XVII столетия, в сущности, ни одно лето не проходило без того, чтобы татары не наносили своего очередного визита в те или другие населенные пункты Изюмского полка. Разница заключалась лишь в том, что одни набеги были удачны для ордынцев, в других же они терпели поражения. В 1691 г., напр., в пределах Изюмского полка и вообще на Слобожанщине крымцы взяли в плен и убили 1915 человек, угнали 4902 головы скота, сожгли и разорили 65 дворов и один хутор[36]. Зато в следующем 1692 году они были разбиты на Гороховатском шляху полковником Константином Донцом, павшим в этом бою[37].

Кроме татар изюмчан беспокоили и свои, такие же, как и они, казаки, только Донские и Запорожские, бродившие по краю, та вольница, которую тогда называли „воровскими людьми"[38]. Страдал Изюмский полк и от стихийных бед, напр: в 1699 г. из-за страшного голода часть его жителей ушла в Московские города; те же, что остались дома, питались берестовой корой и др. суррогатами[39].

И тем не менее Изюм разростался и благосостояние его жителей год от году увеличивалось. Причиной этого было прежде всего то, что, как уже сказано раньше, Изюм представлял собой сильную по тому времени крепость, беспокоить которую не решались ни татары, ни русский бродячий люд. Процветанию города кроме этой причины способствовали и широкие льготы, предоставленные Изюмским казакам. Изюмчане—переселенцы, напр., освобождались от всяких податей на 10—15 лет, смотря по имуществу. Кроме того в эти льготные годы они могли беспошлинно торговать во всех городах, беспошлинно держать шинки, освобождались от оброков и несенья дальней полковой службы. Сильно помогало расширению города и его выгодное географическое положение на судоходном в то время Донце. Избавленные от уплаты пошлин, изюмчане в широких размерах занялись торговлей, сплавляя по Донцу на Дон хлеб, водку, а оттуда получая виноградное вино, рыбу и т. д.[40].

Из всех Слободских городов Изюм в 1717 г. был самым многолюдным и богатым, и этот год надо считать кульминационным пунктом его благополучия. С этого года на голову изюмчан посыпались всевозможные несчастья.

Сильный пожар истребил в 1717 г. больше 700 городских домов со всем имуществом, красные ряды с товарами и три деревянных церкви. Затем дважды, в 1718—1719 и 1738—39 г. г., на Изюмщине свирепствовала чума, выкачивавшая население почти поголовно. 1736—37 г. г. отмечены опустошительнейшими набегами татар, а в 1738 г. прекратилось судоходство на Донце из-за устройства ниже города ряда водяных мельниц. Одновременно с прекращением судоходства замерла и торговля. Не могло не отразиться на Изюме и время Бироновщины с его тайной канцелярией и ужасным „словом и делом"[41]. Изюм захирел и запустел.

Однако, полоса бед, сыпавшихся на Изюм в течение почти четверти столетия, подходила к концу. В 1731—36 г. г. была построена так называемая Украинская оборонительная линия, начинавшаяся у сл. Петровской на Донце и тянувшаяся по р. Береке и дальше до Днепра на протяжении свыше 400 верст[42]. С постройкой и заселением этой лини прекратились татарские набеги. Затем с воцарением Елизаветы Петровны несколько ослабел произвол чиновничества, была уничтожена тайная канцелярия, а изюмчанам снова предоставлялись прежние вольности: безоброчное владение землями, беспошлинная торговля, свобода винокурения и продажи питей и т. д.[43] Изюмский полк снова зажил прежней привольной жизнью казачества, а самый город стал оправляться и людnеть[44].

Новая полоса благополучия длилась, однако, недолго.

С восшествием на престол Екатерины II курс резко изменился. В конце 1762 г., по доносу сотника Каневецкого, было назначено следствие над Слободскими полками, затем начались ограничения прав казачества и, наконец, повелением 18 Января 1765 г. вместо Слободских полков учреждалась Слободско-Украинская (Харьковская) губ., а указом 28 июня 1765 г. Слободские полки преобразовывались в регулярные гусарские, офицеры—казаки переименовывались в соответствующие армейские чины, рядовые казаки в „войсковых обывателей", помещичьи люди в „подданных", полковые города в провинциальные, а затем и в уездные[45].

Новой реформой были недовольны все: и войсковое начальство и рядовые казаки. Первое потому, что при прежних порядках оно пользовалось большей властью в крае. Вторые неприязненно относились к лищению их прежних вольностей и привиллегий и к новым податям, которых они раньше не платили и которые равняли их с неказачьим населением края. Поэтому, когда вновь назначенный губернатор Щербинин пригласил войсковых старшин в Харьков для выбора подходящих кандидатов на командные должности в регулярные полки, никто из них не приехал[46].

За резкие отзывы о новых порядках некоторым из изюмчан пришлось пострадать. К числу таких лиц принадлежат последний полковник Изюмского полка Краснокутский, лишенный чинов и имущества и отправленный в ссылку в Казань, но затем, по хадатайству жены, возвращенный оттуда, и Изюмский обозный Милорадович, сосланный навсегда в Нерчинск[47].

В интересах справедливости надо впрочем отметить, что таких прямолинейных людей было очень немного, и большинство войсковой старшины не только недолго оставалась в оппозиции правительству, но очень скоро сумело приспособиться к новому строю жизни. Все эти люди наперебой старались быть причисленными к привиллегированному сословию—дворянству и, не имея никаких документов, говорили, что они, якобы, утратили граматы на дворянство как в Польше, так и на Слобожанщине, благодаря татарским набегам, пожарам и моровым поветриям[48]. Некоторые из них пошли даже дальше: они свои чисто украинские фамилии переделали на русские, таковы, напр., Зарудные и Сумець, назвавшиеся Зарудневыми и Сумцовыми. И таких хамелеонов вновь испеченное дворянство выдвинуло на первые места: Изюмскими дворянами отставной секунд-майор Зарудnев был избран предводителем и членом Екатерининской комиссии для составления нового „Уложения"[48]. Затем, в то время,

как рядовое казачество в целом ряде слобод (на Изюмщине—Горохватка и Радьковка) вынесли постановления о восстановлении казачьих вальностей, новое Слободское дворянство приложило все силы, чтобы закрепостить своих бывших однополчан[50].

Изюмская крепость была, однако, оставлена и после реформы 1765 г. и просуществовала еще некоторое время. Ее видел и описание ее оставил академик Гюльденштедт, бывший в Изюме в 1774 г. С описанием Гюльденштедта сходно описание и 1784 г.[51]. Рвы и валы цитадели на вершине Кремянца и сейчас сохранились без изменений, и лишь в одном месте, между валом цитадели и холмом, где стояла проезжая башня, в 1825 г. при провозе через Изюм тела Александра 1-го, ради выпрямления дороги, была сделана выемка.

Актом 28 июня 1765 г. заканчивается самая яркая страница Изюмской истории. С 1765 г. Изюм вступил в новую полосу своего существования, ничем не отличавшуюся от уклада жизни многих сотен захолустных русских городов. К сожалению, даже немногие, заслуживающие быть отмеченными, события того времени не могут быть восстановлены, т. к. архивы Городской и Земской Управ и др. Изюмских учреждений большей частью погибли. Иное дело—последние годы, годы революции. Здесь все на виду, множество документов уцелело, многое помнят еще очевидцы. Тема эта благодарная, и эта полоса в жизни Изюма дождется своего историка.

Н. Сибилев.

ИСТОЧНИКИ:

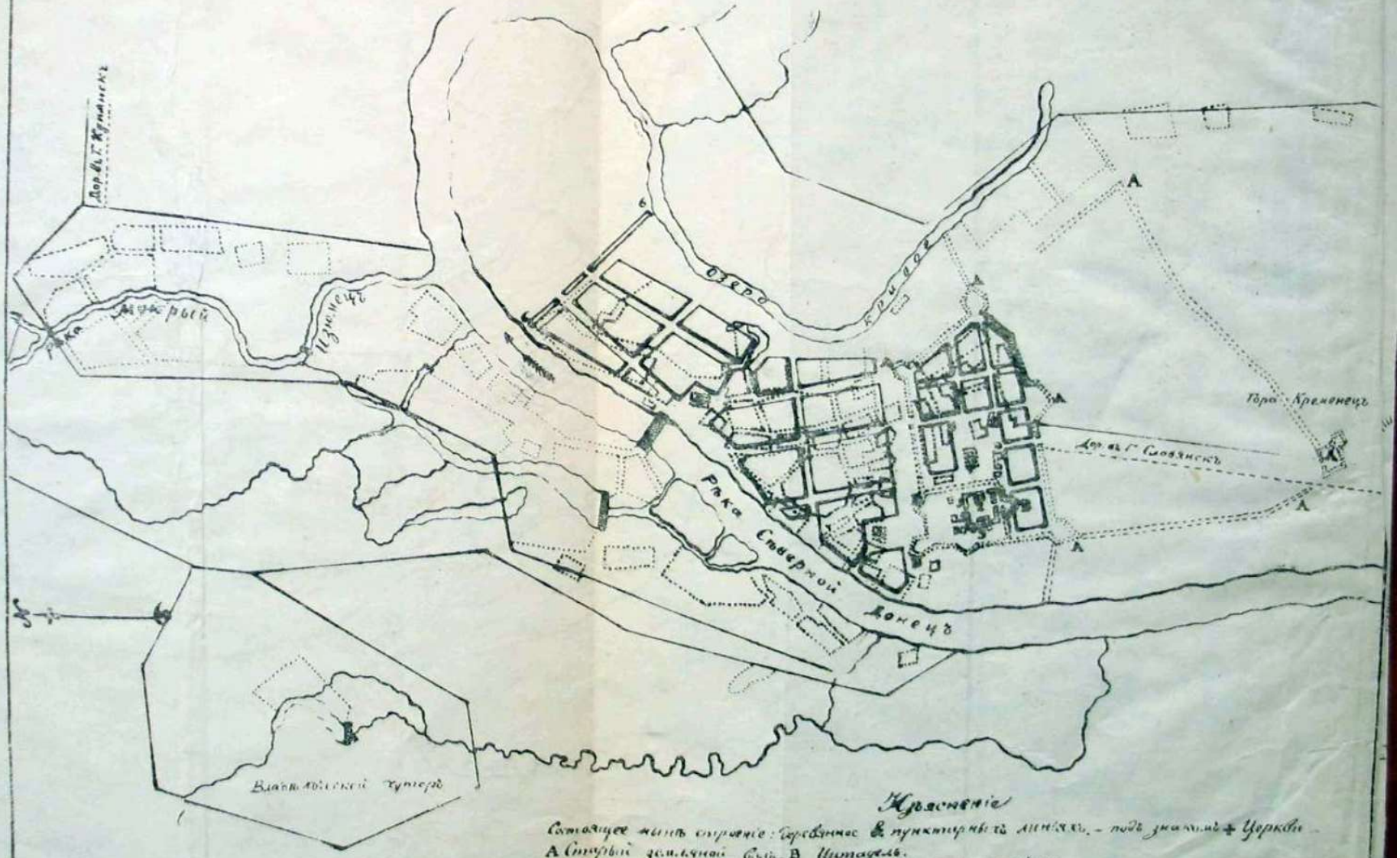
1. „Общий очерк древностей Харьковской губ." (Харьковский Сборник" 1890 г стр. 89), Д. И. Багалея.
2. „Устрялов. Русская История Спб. 1855 года. „Карта Руси в 1240 году".
3. „Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства", Багалея (Москва, 1887 г., стр. 65).
4. Jbidem, стр. 65).
5. Jbidem, стр. 63.
6. Jbidem, стр. 64.
7. „Записки о Московии„ "Герберштейна, С. П. Б., 1866 г., стр. 138.
8. „Историко-статистическое описание Харьковской епархии" арх. Филарета (Харьков, 1857 г., отд. V, стр. 46).
9. Jbidem, V, стр. 6.
10. Очерки, Багалея, стр. 92.
11. Jbidem, стр. 21.
12. Рукопись Святогорского монастыря 1844 г.
13. Очерки Багалея, стр, 23.
14. Jbidem, стр. 108.
15. Никонова Летопись, изд. Н. Л., С. П. Б, 1791 г., ч. 7, стр. 241.
16. Очерки, Багалея, 109.
17. Описание Харьковской епархии, Филарета, V, стр. 6.
18. Роспись сторожей князя Тюфякина. Временник Московского О-ва истории, кн. 8., 1850 г.

19. Опис. Харьк. епарх., Филарета, V, стр. 4.
20. Jbidem, V, стр. 4—5.
21. Jbidem, V, стр. 4.
22. Очерки, Багалея, стр. 535.
23. Історія Слободской України, Багалея, стр. 34.
24. Очерки, Багалея, стр. 38.
25. Русская история, Устрялова. СПБ. 1855 г., ч I, стр. 249.
26. Очерки, Багалея, стр. 240.
27. Описание Харьк. епархии, Филарета, V, стр. 49—62.
28. Очерки, Багалея, стр. 200.
29. Описание Харьков. епар., V, стр. 8 и 9.
30. Jbidem, V, стр. 9 и стр. 14.
31. Очерки, Багалея, стр. 535.
32. Описание Харьков. епархии, V, стр. 18.
33. Jbidem, V, стр. 25.
34. Jbidem, V, стр. 25—27.
35. Jbidem, V, стр. 25.
36. Очерки, Багалея, стр. 461—462.
37. Опис. Харьк. епар., V, стр. 27.
38. Jbidem, V, стр. 28, 57 и 58.
39. Jbidem, V, стр. 124.
40. Очерки, Багалея, стр. 452.
41. Историч. хронол. Харьковской губ., Щелкова, стр. 61 и 110. Стихийные бедствия и борьба с ними в Харьковск. губ., ст. 5—6. Описание Харьковского наместничества („Харьк. Сборн." 1889 г. стр. 107). Описание Харьковск. епархии, V, стр. 33.
42. Очерки, Багалея, стр. 308—309.
43. Історія Слободской України, Багалея, стр. 104—105.
44. Описание Харьков. епархии, V, стр. 35.
45. Історія Слободской України, Багалея, стр. 106—167.
46. Jbidem, стр. 108.
47. Описание Харьков. епарх., V, стр. 38.
48. Украинская старина, Багалея, Х., 1896, стр. 52—53.
49. Jbidem, стр. 34.
50. Jbidem, стр. 41—84. „Історія Слободської України", Багалея стр. 155.
51. Очерки, Багалея, стр. 478—9.

На подлинномъ написано собственною
Его Императорскаго Величества рукою
Быть по сему
Апреля 20 дня 1786 года.

ПЛАНЪ Харьковскаго Намѣстничества Городу ИЗЮМУ.

0 50 100 200
Масштабъ въ Сент. дюймѣ 100 Саж.



Изъясненіе

Состоящее нынѣ строеніе: деревянное въ пунктирныхъ линіяхъ, — подъ знакомъ + Церкви — А Старый земляной валъ. В Цитадель.

Вновь прожектировано:

Кварталы, покрытые свѣтло карминомъ подъ каменные, а желтою краскою подъ деревянные казенные, публичные и обывательскіе дома и прочія строенія. 1 Площадь на коей каменная соборная церковь. 2 Для присутственныхъ мѣстъ. 3 Для дома Городничего и помѣщенія Полиціи. 4 Для соляныхъ и винныхъ магазейновъ съ канторами и корчмами. — 5 Для гостиннаго двора. — 6 Валъ и ровъ къ ограниченію города.

Планъ Уѣздному городу Изюму
съ пригородными слободами
сочиненъ 1787 году Мая дня.
Купянскъ.
Городъ
въ
Большая дорога изъ г. Харкова
р. Сухой
Изюмецъ
Большая дорога
прос. дорога въ слоб. Цареборисовъ
Звѣринской
рѣка
Донецъ
озеро
Кривое
Лучшее Зданіе въ семъ городѣ
1. Каменная соборная церковь
Заложенная блаженной памяти
Государемъ Петромъ Великимъ.
2. Приходскія деревянныя церкви
3. Присудственныя мѣста начались
Строится. 4 Насѣчной деревянной
дворецъ построенной для путе-
шествія Ея Императорскаго
Величества Екатерины второй
Масштабъ въ Аглин. дюймѣ 200 саженъ
100
200
300
400
500 Саженъ